

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Λ 76

Логвин, Янина.

Λ 76 Коломбина для Рыжего/ Янина Логвин. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-17-139470-7

ISBN 978-5-17-117466-8

У Тани Крюковой, студентки университета, есть любящий отец, личная жизнь и желание быть счастливой. Она совсем не рада возвращению в эту жизнь рыжего и наглого Бампера – самоуверенного владельца ночного клуба, три года назад посмеявшегося над внешностью провинциальной девчонки и прозававшего ее Коломбиной. И пусть Его величество случай – известный шутник, сегодня у девушки найдется сотня нелестных эпитетов, чтобы поставить наглеца на место!

Ничего не изменилось, и то, что однажды началось с игры в «бутылочку», вновь закончится войной! Так думали Танька и Рыжий, встретившись спустя время, но любовь найдет способ доказать двум горделивым упрямам, что у нее на них свои планы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-139470-7

ISBN 978-5-17-117466-8

© Логвин Янина, текст
© ООО «Издательство АСТ»

— Эльвира Ивановна, значит? Тетя Эля? А может, просто — Ивановна? Хм, а почему нет? Терпеть не могу все эти «здрасьте-подвиньтесь». Вот прямо скулы сводит от тупых формальностей, честное слово! Чего нам расшаркиваться, Ивановна, мы же, считай, свои люди! Вот только прическа у тебя отстойная, как у примороженного к льдине пингвина, да и сама... ну чисто тебе театральная гардеробщица. Почему это? Да потому, что бледная и вышколенная, как закулисная моль. А ты чего, тетя, по струнке вытянулась? Чего в караул-то встала, как славный народ Вьетнама перед Хо Ши Мином? Я же к тебе без наезда, без предъявы. Без ксивы! Расслабься, дорогуша, я не кусаюсь.

Я захожу в нашу с отцом квартиру и сбрасываю туфли с уставших ног. Бросаю ключи на полку у двери, стягиваю с волос резинку, разминая пальцами затылок. У стены прихожей испуганно замерла девица лет тридцати пяти, типичный серый чулок. Она важно топорщит грудь и поджимает тонкие губы перерзевшей гимназистки, наблюдая за мной. Переминается с носков на пятки, поглядывая на отца, сбитая с толку моим внешним видом и грубым приветствием, но я знаю, что мне осталось всего ничего, чтобы навсегда выдворить ее с родной территории, и я подхожу к девице, со всей серьезностью глядя в распахнутые глаза, и тихо произношу:

— Г-гав! — и тут же развожу руками, отступая, когда она как угорелая несется мимо меня к двери, срывая с вешалки потертую сумочку, кутаясь на ходу в дешевенький плащик.

— Андрюша! Ну знаешь ли! Ты, конечно, предупреждал, говорил, что твоя дочь бывает несдержанной и своенравной, что воспитывалась без матери, но это... Это даже для меня слишком!

— Ой-ой-ой, какие мы нежные и ранимые!

— Элечка! — кричит отец, нагоняя ее, пока я люблюсь его спортивными штанами, надетыми наизнанку, и голым поджарым торсом. — Элечка, подожди! Вернись! Элечка...

— Да пусть катится, пап! Подумаешь.

Я ужасно устала, долгий разговор с Серебрянским, глупые претензии его семьи, наша ссора и трехчасовая дорога на электричке в пригород порядком измотали меня, и все что мне сейчас хочется, это принять ванну, надеть халат, сунуть голову под подушку и свернуться клубком на своем старом потертом диване, забывшись сном.

Отец останавливается у порога и беспомощно всплескивает руками, когда входная дверь подъезда этажом ниже с грохотом закрывается, навсегда отрезая собой Элечку из моей жизни. Надеюсь, и из его тоже.

— Таня! Дочка! Ну что ты творишь? Какая вожжа тебе под хвост попала, что ты завелась с порога, вот так запросто обидев человека? Ведь ты ее совсем не знаешь!

Я открываю обувной шкаф и роюсь рукой в ворохе отцовских туфель и кроссовок, отыскивая среди них свои домашние тапки — старые, истертые, со смешными заячьими ушами.

— Ох, тоже мне упущение. Не начинай, пап.

— Таня, ты не права! Это было грубо!

— Угу, как всегда, — легко соглашаюсь. Хлопнув дверцей, на миг закрываю глаза, встречая вместе с любимой обувью знакомое ощущение дома и покоя. — Кстати, — смотрю на расстроенного отца, — я тоже до визга рада тебя видеть.

— Дочка...

— Пап, — я вдруг почти сержусь, — давай обойдемся без нравоучений. И без тебя тошно.

— Ты не понимаешь. У нас все серьезно!

— Да? — я даже не удивляюсь. Просто вздыхаю громко, настолько мне все это знакомо и осточертело. Без меня пусть делает что хочет, не маленький. Но когда я дома, соблюдать видимость семьи — наше с ним давнее условие общего благополучия. — В который раз, Крюков? Не устал играть роль благодетеля Прометея, обогревая ночами одиноких Снегурочек? Брось, а?

— Татьяна! — ого, да мы научились рычать? — Это не твое дело!

— Спокойно, — я поднимаю руки и ретируюсь. Волочу дорожную сумку по полу к своей комнате. — Конечно, не мое, кто спорит? Мое дело учиться, учиться и еще раз учиться. Слыхали, помним, соответствуем.

В доме чисто и приятно пахнет чем-то до боли знакомым, вкусным и пряным — домашней выпечкой, и я нехотя ставлю плюсик отцу: так уютно обустроить свою жизнь в отсутствие жены еще суметь надо. Хотя сорок лет, здоровый мужик, чему я удивляюсь?

Крюков топает за мной, угрюмо дыша в затылок.

— Что, мать не звонила? — интересуюсь, заранее зная ответ. Скорее по привычке, чем по искреннему любопытству. Вдохновленный трепет ожидания в этом вопросе давно покинул меня.

— Нет.

Я молчу, и отец повторяет, должно быть, в тысячный раз, тоже по привычке, так уверенно, словно я до сих пор все та же доверчивая десятилетняя девчонка:

— У нее работа, Тань, ответственная и важная для страны. Ты же знаешь...

И я киваю. Вот только слезы, как бывало в детстве, уже не наворачиваются на глаза. И губы не дрожат от зависти и обиды, что это не мы с отцом рядом с мамой в журнале и на экране телевизора, а совсем незнакомые дяди и тети.

Нет, по большей части дяди, кому я вру.

— А как же, пап, знаю: и в пятьдесят по-прежнему трахать тридцатилетних мужиков. Круто быть начальницей с регалиями и почетом. Шилом в заднице и компасом во лбу! Геологоразведка, романтика! Жуй до пенсии — не хочу! Развелись бы уже, и дело с концом. Ведь давно не связывает ничего.

— Как это ничего? — отец растерянно пожимает плечами, осторожно заглядывая мне в глаза. — И придет же в голову! Ты нас связываешь, Тань. Наша дочь.

— Ой, да брось, пап, — я бросаю сумку у стены и приваливаюсь плечом к стене, оглядываю тоскливым взглядом свою комнату. Такую же несуразную и бестолково-яркую, как я сама. Цветную обертку так и не превратившейся в бабочку куколки, не больше. — Мучение тебе одно с такой женой. Всю жизнь мучаешься. Зачем?

— Много ты понимаешь! — теперь очередь отца сердиться, и я не могу его за то винить. — Переодевайся уже, горе ты мое невоспитанное, и шуруй на кухню! Там Эля пирог испекла рыбный, с луком и яйцом. Будем есть!

Когда я прихожу на кухню, отец уже надел футболку и вернул штанам надлежащий вид. Он суетится у стола, привычно разливая чай, нарезаая сыр, колбасу, красиво поигрывая при этих обычных движениях бицепсами на мускулистых руках. Я смотрю на него от порога и в который раз удивляюсь выбору матери: интересный мужчина, чего ей не хватало? Но лишь недавно совершенно точно поняла для себя: свободы. И все равно смириться с таким ответом не могу.

Увидев на столе свою чашку, снятую с кухонной полки специально для меня, я подхожу к отцу и принимаю к его спине, обнимая под грудью.

— Пап, ну извини. Погорячилась я, признаю. Молодец, Элечка.

Широкая ладонь тут же касается моих пальцев.

— Предупреждать надо, Тань. Что, позвонить не могла? Я же не в тайге живу и не на морском шельфе, в отличие

от некоторых. Могла и обронить два слова: приезжаю, мол, встречай.

Он уже не сердиться на меня, и мне, как всегда, становится легко рядом с ним.

— Не-а, не могла.

— Что, прожорливый червяк в кошельке все деньги сожрал?

— Не угадал. Просто так паскудно на душе было, пап, хоть волком вой. Какое уж тут звонить, просто очень хотелось домой. К тебе.

— Танечка, — отец оборачивается ко мне и прижимает к себе. Сглатывает напряженно. — Что случилось? Тебя кто-то обидел? Ты только скажи, дочка, и папа всех вот этим самым ножичком искрошит в пыль, ты же знаешь!

— Знаю, пап.

— Так что произошло?

— Все хорошо. Точнее, не очень. В общем, взрослою, вот и все. Ничего глобального, кроме истраченных нервов.

— А-а, — он отстраняется, мягко усаживая меня на стул. Отрезает от пирога щедрый ломоть и укладывает его на тарелку, подсовывая мне под нос. — Тогда ешь давай, — привычно командует, опускаясь рядом, — набирайся сил. Это куда легче и безболезненнее, чем набраться ума.

Когда-то он кормил меня с рук, двадцатилетний парень, по сути еще мальчишка, пока его тридцатилетняя жена, бывший педагог, а нынче подруга по жизни, находила десятки причин, чтобы уйти из дома, и моя избирательная память сохранила это воспоминание из детства очень ярким фрагментом.

И я соглашаюсь, легко принимая его заботу.

— Это точно, пап.

Когда уже все новости рассказаны, пирог съеден, а за окном становится совсем темно, я подхожу к двери отцовской спальни и прошу, зная, что он не спит.

— Пап, ты позвони Элечке. Извинись за меня и все такое. Хорошо?

— Хорошо. Спокойной ночи, дочка. Я рад, что ты дома.

— И я люблю тебя, пап.

* * *

День рождения Алины Черняевой отмечали всей группой: первый курс, конец зимней сессии, впереди каникулы. Казалось бы, нет в мире вещи, способной омрачить лучшие дни студенческой жизни обычной провинциальной девчонки. Казалось... пока в этой новой, счастливой жизни не случился он. Слишком наглый, слишком развязный и слишком самоуверенный в себе тип с глупой автомобильной кличкой Бампер. Двоюродный брат виновницы торжества.

Он появился в дверях загородной дачи семьи Черняевых, куда Алина пригласила нас в канун рождественских праздников отметить свой день рождения, с двумя друзьями и сразу же с порога заявил, что порядком изголодался. По хорошей жратве, по крепкой выпивке, по отвязному драйву и по горячему женскому вниманию. Особенно по женскому вниманию. Нас было семнадцать девчонок и пятеро парней, эти трое внесли заметное разнообразие в нашу шумную компанию. Мы пили, танцевали и веселились, от души поздравляя именинницу, пока Ольга Попова, растолкав всех и рассадив по кругу, схватив со стола пустую бутылку из-под вина, не предложила сыграть в известную всем «бутылочку».

Мне было весело. В мои семнадцать лет я никогда не целовалась и не пользовалась успехом у мальчишек, лишь заручением в дружбе. Я и подумать не могла, что шанс получить свой первый поцелуй выпадет мне в этот глупый январский вечер с наглым, рыжим зубоскалом.

Он сидел, развалившись в кресле, притянув на колени очередную девчонку, без стеснения шуруя рукой под ее блузкой и потягивая пиво, когда тонкое горлышко винной бутылки неожиданно указало на меня, выбрав в качестве приза для уверенного в себе нахала. Помнится, первую минуту я улыбалась, не принимая выбор фортуны всерьез. Надеюсь, что кто-нибудь из более смелых девчонок отметит шуткой факт моего смущения и нежелания продолжать игру, тут же позабыв о Таньке, пока друзья Бампера вдруг не стали подначивать его «на слабо».

— Надо же? — лениво заметил Рыжий, хлопком по заднице сгоняя подругу с колен, между длинными глотками пива смеряя меня любопытным взглядом. — Какое яркое платье и... носки в стрекозах? Детка, у тебя что, проблемы с гардеробом? Или я не в теме и здесь сегодня маскарадная вечеринка?

Кажется, я встала, вспыхнув от стыда, потому что почувствовала вдруг, как тело натянулось струной, а кулаки, привычно сжавшись, зачесались, как чесались всегда в детстве, когда кто-то пытался меня обидеть. Рыжий отставил банку с алкоголем и удивленно присвистнул, цыкнув на кого-то из друзей.

— Ты издеваешься, Стас? Она?

— А почему нет, Витек? Прими, как должное и не заставляй народ ждать. Мы все — само внимание. Правда, Серега?

— Давай, Рыжий, не тяни! Если сдох, тогда вали с фуршета. У нас договор. Мне эта малышка нравится. Чудная! На Пеппи Длинныйчулок похожа.

— Облезешь, Серый. Для коллекции сгодится. Ну, — осканился Рыжий, хлопая себя по коленке, — иди сюда, Коломбина. Чего смотришь? Снимем с тебя заводскую пломбу и пустим по миру человеком. Так и быть, закрою глаза и представлю, что передо мной девушка, а не трагикомик в юбке. Кстати, девушка, у тебя под платьем есть за что подержаться? Или печально все?.. Тогда крикни Альке, что мне нужен стопарь!..

— ...Тань, не молчи! Ну куда ты собралась на ночь глядя? Мы же за городом гуляем, ты забыла? Завтра первым утренним рейсом все вместе уедем.

— Алин, иди к гостям, я хочу уйти.

— Да не обращай ты внимание на Витьку! Он еще тот дурак, все знают! У него мать модельер, а в прошлом известная модель, вот и выеживается. Воспитание «от кутюр» показывает. Он неплохой, правда только с гонором и избалован вниманием, как всякий любимчик семьи. Сколько

помню, дядя только обещается его ремнем отлупить, а сам всю жизнь во всем потакает. Наплюй, Тань! Наши поймут, а он уже и забыл! Вон, смотри, с Поповой лижется!

Алина Черняева хорошая девчонка, симпатичная, умная и добрая, совсем непохожая на своего брата-остряка. Мне не хочется обижать ее и доводить до слез. Я и сама чувствую, что вот-вот разревусь от колющих спину насмешливых взглядов. От терзающего кожу, горящего на мне желтым факелом дурацкого платья в розово-синих ромбах, купленного вчерашним утром в комиссионке, еще час назад казавшегося таким красивым. От собственного безвкусыя, от прилюдной буффонады, от охватившего меня вдруг косноязычия, совсем не присущего девчонке, выросшей на улице в мужской компании.

— Пятнадцать километров зимней просекой, Тань! Одна! Еще три по городу до общаги. Подумай! А наши мальчишки пьяные все!

— Плевать! Кажется, ты сама советовала. К утру дойду.

— Дай мне время хотя бы вызвать такси! Всего сорок минут. Крюкова, не дури, слышишь!

Но я решительно натягиваю на плечи полушубок «под зебру», сапоги, меховые наушники и шагаю к двери. Оборачиваюсь у выхода на несколько секунд, чтобы сказать:

— Извини, Алина. Еще раз с праздником. Все было замечательно, правда, кроме твоего брата. Пожалуй, передай ему, что он редкий мудака!

— Передам, — лепечет расстроенная именинница и грустно смотрит мне вслед, пока я торопливо сбегая с крыльца и исчезаю за кованой калиткой. Кричит на кого-то вглубь дома, но я уже направляюсь заснеженной тропкой, а затем дорогой к городу вдоль автобусного маршрута. Все дальше удаляясь от праздника и от наглого рыжего гада, все-таки заставившего меня разреветься.

Он появился на моем пути меньше чем через полчаса. Вышел из черной «Тойоты», взрывшей носом снег на обочине, и загородил широкими плечами дорогу.

— Слушай, Коломбина, ну извини, если обидел, — заметил с неожиданным участием, поймав меня за предплечье и притянув к себе. Должно быть, клещи сестры добрались до яиц нахала, раз уж он оставил горячую вечеринку и поехал за мной, но сдавили их недостаточно сильно, потому что кривая самоуверенная ухмылка так и не покинула лицо Бампера. — Чего ты завелась-то? Подумаешь, платье! Я пошутил! Вырастет у тебя грудь, не переживай. Такие, как ты, поздно зреют, успеешь еще натискаться. Лопай шпинат с капустой, и все будет в норме. Пошли назад, а?.. Алька волнуется. Ну, Коломбина, чего молчишь?.. А хочешь, я тебя без свидетелей поцелую? Просто так, вместо извинения? Я не против. Ты, конечно, чудачка, и груди у тебя нет, но, знаешь... зато у тебя губы и глаза красивые.

Его лицо было так близко, а сам он так уверен в себе, что я решилась сделать то, что всегда умела делать на отлично. То, что мне сейчас хотелось сделать больше всего: стереть наглый оскал с его лица.

— Иди сюда, — это было последнее, что успел сказать Рыжий, ухмыляясь, прежде чем я бросила сумку, развернулась на каблуках и зарядила обидчику кулаком в глаз. Отпустила сжатую до предела пружину гнева, встречая с болью, ударившей в пальцы, заметное душевное облегчение.

От неожиданности Бампер осел на одно колено и схватился рукой за лицо. Раньше ему не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, поняла я, потому что шок, на долгую минуту моего триумфа завладевший парнем, почти обездвигил его. Шумно выдохнув и чертыхнувшись, рыжий гад сграбастал широкими ладонями снег, приложил к месту удара и вспылал скорее растерянно, чем по-настоящему сердито.

— Твою мать! Ненормальная! С ума сошла!

Он поднялся на ноги и изумленно уставился на меня сквозь упавшую на глаза рваную челку. Сплюнул раздраженно, впрочем, больше не наползая с объятиями.

— Коломбина, ты рехнулась? Что это было?

Вечеринка отшумела и стихла, оставшись в прошлом, а благодаря рыжему гаду, прилюдно дававшему мне обидное прозвище, развеялась и магия вечера. Я больше не была скована интимностью момента, не пыталась произвести впечатление на незнакомых парней красивым платьем и стройными ногами, смущение покинуло меня, и настоящая Таня Крюкова, дочь улицы и своего отца, высунув голову из трусливого окопа самобичевания, решительно растоптала каблуком белый флаг вселенской скорби.

— Фонарь! Для прояснения сознания! Сам напросился, придурок! Еще раз ко мне подкатишь, и второй глаз так подсвечу, что без фар на свой фуршет поедешь! Понял?! Скажи спасибо, что нос не откусила. Лезет он с поцелуями! Вот же коз-зел!

Я развернулась, схватила сумку и гордо потопала по дороге прочь, на прощанье сердито пнув носком сапога тихо урчащую на обочине сытым котом «Тойоту». Поскользнувшись на повороте, упала, раскорячившись на четвереньках, вскочила на ноги и побежала, давая деру от сердито взревшего где-то позади автомобиля.

— Козел?! — раздалось, казалось, у самого затылка, и вместе с визгом тормозов меня окатило снежными брызгами. Крепкая рука поймала воротник полушубка, развернула к парню и потащила по снегу. Бросила на теплый капот. — Клянусь, девочка, — рассердился Бампер, нависая сбоку, — ты у меня на беду напрочишься!.. Садись в машину, — рявкнул ухо, распахивая переднюю дверь, — кому сказал!

— Сейчас! — уперлась я рукой в твердую грудь, другой рукой пытаюсь освободить воротник из цепкой хватки. — Разбежалась носом в песок! Только бантики в косички вплету и сяду! Вали на свою немаскарадную вечеринку, гоблин, чего привязался! Не стану я с тобой целоваться!

Должно быть, Бампер подавился, потому что голос парня зазвучал по-новому глухо.

— Размечталась! Нужна ты мне, ненормальная! Ночь на дворе, а мы за городом, потеряешься еще. Альку рас-

страивать не хочу, а так бы плюнул на тебя, бешеную! Катись, куда хочешь!

— Пошел к черту! Ты пьян!

— Пусть! А ты — дура!

— Металлолом конопатый! И вообще, гад!

— Коломбина!

— Рыжий!

— Отпусти, — я почти взмолилась, сообразив, что из хватки парня так просто не вырваться, оттянутый воротник полушубка сдавил шею, а Бампер дышит неожиданно близко у щеки. — Отпусти, дурак, задушишь.

Отпустил. Отошел, чертыхаясь, но прежде втолкнул в машину. Подобрал с земли сумку, бросил куда-то на заднее сидение и, хлопнув дверью, отвернулся, закулив сигарету, на две долгие минуты уставившись в ночь.

— К Алине не поеду! — упрямо сказала я, когда парень забрался в «Тойоту» и завел мотор. — Лучше пешком! Если отвезешь на дачу, всем скажу, что это я подбила тебе глаз! А так совершешь что-нибудь.

— Очень надо, — ссудил Бампер. — Куда? — только и спросил, не глядя в мою сторону, но, услышав адрес, вернул на лицо пропавшую было ухмылку. — Общага?.. Надо же, Коломбина, — тихо засмеялся, до того обидно, что сразу захотелось придать его лицу буро-фиолетовую симметрию, — и почему я не удивлен?

И почему я не удивлена, что после двух с половиной счастливых лет душевного покоя судьба так жестоко шутит со мной, подсовывая все новые испытания? Сначала Серебрянский со своими критериями большой и светлой любви, желательно в пастельных тонах, как нравится его маме, потом отец со своей Элечкой, теперь вот Воробышек...

Жень, скажи, что ты пошутила? Это же глупость какая-то.

— Почему глупость, Тань? Его все так называют — Бампер. Совершенно без шуток.

— Но ты сказала, что свидетель — хороший друг Ильи. И что зовут его Виктор.

— Все правильно. Зовут Виктор, но друзья называют — Бампер. А ты что, с ним знакома? Почему так удивилась?

— Я-то?

— Я сижу за кухонным столом напротив подруги, в квартире ее жениха Люкова, уплетаю за щеку десятую конфету с миндалем и усиленно держу на лице маску честного человека.

— Нет, конечно! Так, видела когда-то. Издалека. Помоему, ничего особенного. Классификация «Выпендрежник и бабник обыкновенный».

Воробышек звонко смеется, очень легко и счастливо, и я невольно ловлю себя на мысли, что завидую этой легкости. С удовольствием заражаюсь счастьем подруги, улыбаясь в ответ.

— Ясно, — кивает Женька. — Тогда мои страхи напрасны, и ты останешься с трезвой головой, потому что Илья уверен, что перед обаянием Бампера женскому полу трудно устоять, — тянется над столом, чтобы подлить мне чаю. Заботливо подсовывает под нос мясной пирог. — Ешь давай, Тань. Знаю я, как ты готовишь. Без меня, наверно, голодные с Вовкой сидите, да?

— Ну, — неопределенно пожимаю плечом, — да.

— Как сказать счастливой подруге, что Серебрянский дал мне от ворот поворот — не представляю. Особенно в минуту приближающегося торжества свадьбы. Не стоим мы с Вовкой того, чтобы переживания за нас сказались на настроении Воробышка. Слишком я люблю эту девчонку. — Любовь-морковь, Жень, сама понимаешь, не до готовки. Да и кухню нашу общежитскую терпеть не могу.

— Знаю, Тань, — с серьезным видом поправляет очки Женька, — вот и предлагаю. Сама ешь и Вовке возьми, все равно пирог большой получился. Нам с Ильей никак не осилить.

— Смотрит на меня пытливо, склонив голову.

— Что-то на тебе, подруга, сегодня лица нет. Все хо-рошо?.. Если это Серебрянский ворчит по поводу того,

что я попросила тебя быть моей свидетельницей, то скажи ему, что я все равно тебя ни на кого не променяю. Пусть не ревнует, Виктор с девушкой придет. Да и приятный он парень, Бампер, должен Вовке понравиться. Ох, — вздыхает грустно, — Тань, надеюсь, у тебя не будет с Серебрянским из-за нас проблем? Хочешь, я ему сама позвоню?

Все-таки прав отец, и я в душе невестребованная актриса. Потому что улыбаюсь подруге все время, пока топаю в прихожую и, собираясь уходить, целую Воробышка в щеку.

— Не придумывай, Женька! — бравирую искусственным смехом. Сама знаешь, что Вовка мне не указ! Никуда не денется, нравится, не нравится — перетопчется! Береги себя, — показываю взглядом на уже заметно округлившийся живот. — И Люкову своему скажи, чтобы берег, не то будет иметь дело со мной!

— Беги уже, Крюкова! — отмахивается Женька. Поправляет на мне кофту. — Тоже мне — женщина-терминатор нашлась! Скоро совсем стемнеет, а тебе еще ехать на свидание. Могла бы и Вовку с собой привести. Чего это он упрямится? В следующий раз обязательно вместе приходите, ладно? Илья против не будет.

— Ладно, Жень, обязательно придем. Ну, пока! — сбегаю вниз по лестничному маршу, минуя лифт. — Звони! — нависнув над перилами, кричу вверх в туннель поручней. Спрыгнув с предпоследней ступеньки, поворачиваюсь к входным дверям подъезда... и утыкаюсь взглядом в улыбочивое рыжее лицо. Точно так же, как мое собственное, удивленным лемуром застывшее в янтаре.

— Коломбина?! Ты?

Знаю, глупо было просто сбежать. Но что я могла сказать? Надеюсь, Люкову не слишком важно оказалось мое «здрасьте», иначе быть мне вечной чудачкой, при виде которой здравые люди крутят у виска пальцем.

Женька с Ильей выходят из подъезда семьи Воробышек в Гордеевске самой красивой парой, какую я когда-либо видела в своей жизни. Лиля и Настя вопят в две глотки, подпрыгивая как чумные, обсыпают молодых пшеницей и розовыми лепестками, и я воплю вместе с ними, локтями расталкивая сгрудившуюся у крыльца толпу гостей и просто любопытных. Командую проходом молодых к белоснежному лимузину, пуская слезу в искренней радости за свою счастливую подругу.

— Знакомься, Бампер, это Таня, подружка моей птички, — улыбается Люков, усаживая Женьку к себе на колени в лимузине. Откидывается в глубоком сиденье, отчего пышные юбки невесты почти сразу же скрывают их лица от наших глаз.

— А это Виктор, Тань! Лучший друг Ильи! — добавляет Женька и тут же пропадает для меня, утонув в объятиях пока еще своего парня.

Они не виделись день и теперь целуются, не в силах оторваться друг от друга, как встретившиеся любовники после двенадцати лет одиночества, и мне приходится самой протянуть руку Виктору. Первой пойти навстречу старому обидчику, не желая дальше оттягивать минуту официального знакомства. Чувствуя на себе внимательный взгляд, торопясь покончить с этой частью наших обязанностей, одним махом облегчив жизнь и себе, и ему.

— Привет! — я растягиваю губы в улыбке и поднимаю на Бампера глаза, усиленно изображая, что вижу высокого крепкого парня, усевшегося напротив меня, впервые. — Я Таня! Как ты слышал, подружка невесты. Приятно познакомиться.

Лимузин тронулся, и вместе с плавным ходом машины и веселым окриком водителя «Горько!» я тянусь за рукой вперед, пока лучший друг Люкова, откинувшись в кресле, медленно расстегивает на себе пуговицы дорогого пиджака и ослабляет узел галстука, отнюдь не спеша скрепить горячим приветствием предложенное рукопожатие.